

МЫ С ДЕТСТВА любим его фильмы, очень красивые и добрые: «Белый клык», «Рикки-Тикки-Тави», «Тропою джунглей», «Зачарованные острова». К своему 90-летию вместе с женой и соавтором Наной Клдиашвили Александр Згуриди снял «Балерину». Этот неумимый романтик вновь воспел доброту и талант: его маленькая артистка Настя Мескова из фильма шагнула на сцену и была принята в балетное училище ГАБТ...

Александр Михайлович — чистокровный грек. Его родители еще при царе прибыли из Афин. Но едва мальчику исполнилось полгода, умерла мать. В 14 лет он остался полным сиротой. А в свои шестнадцать — ушел на гражданскую войну кавалеристом. Сейчас прославленный режиссер (у него 14 наград международных кинофестивалей) — президент Московской ассоциации научного кино, руководитель «Орбиты» — головного объединения Центрнаучфильма. Он живет без оглядки на возраст.

ГРЕК ПИНДОС,

— Александр Михайлович, вы мастер придумывать сюжеты. А съемочная жизнь, наверно, не раз подбрасывала вам крутые эпизоды? Расскажите.

— Если вы хотите... Когда мы снимали картину «Во льдах океана», ледокол доставил нас к месту съемок и высадил на лед. Обещали прийти за нами к концу дня. Целый день мы снимали гринландских тюленей. Подбираться к ним было нелегко. Требовалась большая осторожность, терпение и воля. Мороз крутой. Замерзли. Короткий северный день кончился. Наступили сумерки, а мы все прыгали, скакали, пытаясь согреться. А ледокол пропал. Что тут делать? Настала ночь. У нас ничего, чтобы согреться. В отчаянии уже не на шутку стали опасаться за свои жизни. Дело могло кончиться плохо. Тут только мы осознали свое легкомыслие — нельзя так плохо готовиться к съемкам. У нас не было радио, мы не могли подать сигнал бедствия... Но вдруг в темноте прорезался прожектор. Подошел ледокол. Безумно счастливые, мы бросились к нему, и только на ледоколе стало ясно, что это не наш корабль. Наш, оказывается, застрял во льдах. А эти добрые моряки, получив с ледокола SOS о нашем бедствии, отправились на выручку бедных киношников. Нас прекрасно приняли, отогрели...

Згуриди с удовольствием повествует об отгаде знакомых ему людей, но ни за что не расскажет о собственных мужественных поступках. «Было всякое», — скажет он и засияет веселыми глазами.

Когда мы с Наной пили кофе на уютной кухне, а Александр Михайлович в кабинете погружен в книжку, Нана припомнила случай, приключившийся с ними на юге Индии:

— Мы снимали «Рикки-Тикки-Тави». Нам нужны были большие красивые кобры. На студию пришел с мешком змей индус, горбатый, но очень симпатичный, голубоглазый. Достает он их из мешка, чтобы мы могли полюбоваться и выбрать самую-самую... И вдруг одна кобра вывернулась и впилась в ладонь индуса. Из раны потекла кровяшка. Он дико закричал. Все другие индусы вмиг разбежались. Кобра — раз-раз-раз и обвилась кольцами вокруг руки. Хотя зубы кобры были сточены, укус ее все равно страшен. Згур громко кричал: «Инструменты!» Кто-то бросил ему клещи. Сильной, тренированной рукой теннисиста он захватил челюсть змеи и стал ее отжимать. Я видела, как надувались жилы на руке Згура, и орала истошно: «Згурочка, она сейчас тебя схватит!» Но кобра наконец не вынесла клещей и выскользнула. Згур ее тут же упрянул в мешок. Раненую руку индуса обработали, перевязали. Я много раз снимал змей. Публика обычно их боится. Между тем змея, как и любой дикий зверь, старается уйти от человека. Только случайно может укусить, если босяком наступишь на нее. Я их абсолютно не боюсь. Очень давно, когда снимал «В песках Средней Азии», ловцы змей научили меня этому опасному искусству: управляясь с ними совершенно свободно с помощью палки с петлей. Захватишь ее за шею — она начнет извиваться, пытаясь вырваться. Убираешь ее в мешок... За актеров боюсь, за их неосторожность. Помню, я снимал «Тропою джунглей» в Китае. Китайцы, как только я начинал свои манипуляции со змеями, мгновенно разбегались. А в Кара-Кумах — было это во время войны — нам в группу дали мальчика-змеелова. Как-то ночью он прибежал страшно испуганный и сказал, что его укусила ужасная змея эфа. Укус ее смертелен. Мальчик все знал про эфу и даже хотел сам себе откусить палец, что-

бы не погибнуть. Опытный ловец, чего-то он не учел — и такая случилась беда. У меня была страшно дорогая вакцина — всего одна ампула. За один укол надо было заплатить 3000 рублей. Мы ему впрыснули — и всю ночь длилось ожидание результата: выживет ли?.. Вакцина спасла мальчика.

— Вот вы снимаете фильм в саванне. Почему, чувствуя близость человека, лев выбирает не Згуриди, а антилопу?

— Может, он предпочел бы меня, но нас просто так не возьмешь. Если снимаешь в естественных условиях, а зверь на свободе, значит, надо себя заключить в клетку, чем-то оградить. На меня, например, никогда звери не нападали. В национальных парках Африки, где животные чувствуют себя вольготно, они очень опасны, легко могут напасть на человека — и нападают. В национальных парках можно снимать только из машины. И пускают туда обязательно в сопровождении служителя.

Когда я показывал фильм «Во льдах океана» в Англии — а он взял в Шотландии приз и его купили, — меня пригласили и попросили убрать жестокую, на их взгляд, сцену, как белый медведь схватывает тюленя. И еще одну сцену: орел-красавец нападает на птицу — тоже пришлось чуть-чуть смягчить. Англичане щадят восприятие своих зрителей.

— О чем вы с Наной хотели бы рассказать в фильме, который только что задумали?

— О добром отношении друг к другу. О хорошей семье — это вечная тема. Ведь и в «Балерине» у нас простой сюжет: девочка, мечтающая о балете, пытается соединить родителей. Они в разводе, но ее стараниями и любовью вновь соединяются. Фильм музыкальный — Андрей Петров и его дочка Ольга написали музыку, у нас звучат и Чайковский, и Гуно. Есть и песни, и танцы. Много музыки.

Александр Михайлович сейчас очень трудно снять фильм о животных. И не потому, что почтенные годы. Животных надо кормить, воспитывать, заботиться о них. Сколько времени и денег нужно! Згуриди и Клдиашвили выбрали музы-

— Очень. Но я не ветреник — постоянно.

— Во сколько лет женились первый раз?

— Примерно в 27. У меня сын Олег от первого брака — кинооператор.

— Что вас больше всего увлекает в женщине?

— Наверное, то же, что и всех, — красота.

Згуриди — обожаемый своими учениками человек. Нана Клдиашвили — его ученица. Их роман начинался, казалось, без надежд на счастливый исход: слишком большая разница в годах, у нее — дочка Ирина от брака с Ираклием Квирикадзе. Вместе с мамой Ирина ходила на лекции Згуриди во ВГИКе. Жили они тогда в общестии. У Наны и в мыслях не было, что уважаемый мэтр станет ее мужем.

— В работе я, как хвостик, за ним шла, — говорит Нана. — Правда, сначала снимала самостоятельно, отбиваясь от совместной работы. А потом смирилась — и мы стали партнерами. Он, конечно, главный. Живем, не разлучаясь, 24 года с постоянным ощущением счастья.

В Александре Михайловиче Нану покоряет искренность и неистраченная детскость. Згур, мягкий и добрый, уступчивый, при экстремальных обстоятельствах неузнаваем. Он не играл мускулатурой, не имел походки льва. Нана вспоминает один эпизод: «В 86-м году мы были на съемках в Святогорске, за Выборгом. Искли нужное место для одного эпизода, шли вдоль бурной речонки: вся она пенится, кипит. Красота неопиcуемая. С нами были двое сильных мужчин из нашей группы. Перешли шаткий мостик — по нему надо очень осторожно перебираться. Оказались на круглой поляне, где лежало стадо коров. Я была в ярко-малиновой шелковой кофте. Вдруг, словно из земли, вырастает здоровенный бык — что-то античное, громадное! — и начинает дико реветь, рвать землю копытами. Путь к отступлению отрезан, через речку просто так не перебежишь. Бык прыжками пошел на нас. Оглядываясь — молодые наши спутники скрылись. Згур кричит мне: «Беги!». Куда я побегу — бык его убьет. И тут Згур хватает меня и задвигает за спину, а сам ногу в красном резиновом сапоге выставил вперед, в руке полубогородное полено из старого костра. Закричал на быка: «Пошел вон!». Бык замер. А я смотрю на Згура: воитель стоит! И как только бык сделал одно движение к нам — он двинул его поленом по лбу. Бык отступил — видно, зауважал. И только тогда два сильных, молодых «героя» вышли из кустов по пояс мокрые и долго извинялись за свою трусость».

В квартире почти нет вещей. Много книг. В столовой — круглый стол, покрытый скатертью. Над ним огромный, низко спущенный абажур — уютное солнце застой. Интересно, что Александр Михайлович любит почитать.

— Вкусное что-нибудь. К мясу особенно не стремлюсь. Я достаточно неприхотливый. Но Нана придумывает всякую всячину.

Беловолосая, царственная, хотя и в спортивном одеянии, Нана без чопорности рассказала о своих кулинарных приключениях:

— Хорошо кормить — чисто грузинская черта. На завтрак первым делом я выжимаю сок грейпфрута и апельсина. Потом он ест какую-нибудь кашу с украшениями. Я его избаловала. Простую кашу есть скучно. Делаю ее с «приключениями», — с изюмом, с бананами. Яичницу тоже с «приключениями» — беком, если встретила по дороге, помидоры пихаю... Любит Згур жареный черный хлеб кубиками. В обед — супы разные. Можно с морковкой: мелко натертую с сельдереем хорошо протушить, а потом молока и чуть-чуть муки, получается славный суп-пюре. Ведь он Грек Пиндос — Соленый Нос, как его дразнили в детстве. Поэтому он очень любит овощи.

— Александр Михайлович, выпить позволите себе?

— Всю жизнь. Люблю вина, и не только — виски, водку, коньяк. Я по-своему к этому отношусь. Считаю: любой стресс может снять рюмка виски. Кофе люблю, — всегда любил.

— В молодости вы любили прифрантиться?

— Да нет. Я не любил быть оборванцем — чтоб все прилично было. За модой не следил. Допустим, появились джинсы, — я их всегда презирал.

Из ванной выпустили черно-бурю дворнягу с примесью какой-то породы. Суций дьявол из «Фауста».

— Кузя добрый, не бойтесь. Мы нашли его с Наной в лесу. И вот прижился.

— А если бы это и впрямь был Мефистофель и подарил вам молодость, что бы вы выбрали?

— Я повторил бы свою жизнь.

Наталья ДАРЫКИНА.

СОЛЕННЫЙ НОС

Моск. Комсомолец. — 1994. — 11 мая. — с. 4.

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА.

— **ВЫ ПОМНИТЕ** своих первых операторов?

— Мои первые фильмы снимал Михаил Пискунов, великолепный мастер. К сожалению, он умер в 36 лет. Много лет работала со мной прекрасный оператор Нина Юрешкина. При съемках животных основная работа выполняется операторами.

— **Вы снимали** фильмы по Джеку Лондону, по Кипплингу. А с живыми беллетристами имели дело?

— Как-то я возвращался со съемок на Тихом океане и в самолете случайно прочел маленький двустраничный рассказ индийского писателя Хаджи Ахмада Аббаса «Черная Гора».

Там слон по кличке Черная Гора, умница, страдалец, лесной философ, убивает своего сына, потому что его безумие стало причиной войны в джунглях. Я написал сценарий и послал его Аббасу в Индию. Писатель ответил мне прелестным письмом. Его поразило совпадение сценария с его новеллой по духу и настроению, то самое главное, что читается между строк, стоит за текстом. Хаджи Ахмад Аббас разрешил снимать фильм и был настолько благодарен, что ничего от нас не потребовал за экранизацию. Более того, всячески помогал снимать картину в Индии.

— **Ваши фильмы** особенно красивы. Красота у вас возведена в принцип. А что вы не любите снимать?

— Я очень люблю животных и не могу их снимать грязными, мокрыми, чтобы шерсть сбилась, — такого животного я не снимаю. Не хочу вызвать неприязнь к нему, хочу, чтобы его полюбили, чтобы возникло желание приласкать, сохранить его для будущего. Омерзительные кровавые сцены я не показываю. Достаточно снять, как животное подкарауливает свою жертву, совершает бросок, — конечный момент пожирания я стараюсь не снимать.

кальный фильм. Александр Михайлович сам сочинял музыку, играл на фортепиано. Его сестра закончила консерваторию. Сейчас задумали снять мюзикл: они совершенно влюблены в восьмилетнюю Настю Мескову, торопятся ее снять еще раз, пока не выросла и не растеряла свой милый детский шарм. И в балетных партиях, и в драматической роли она хороша. Рядом с ней будут талантливые актеры — Юрий Васильев из Театра сатиры и Ольга Кабо, только что вернувшаяся из Сеула, где она играла в «Юноне» и «Авось» Алексея Рыбникова. Спектакль поставлен в тамошнем театре при участии композитора. Ольга имела в Сеуле огромный успех. Згуриди и Клдиашвили в новом фильме с условным названием «Лиза и Элиза» увлечены возможностью поиска в музыкальном жанре.

— **ВЫ СНИМАЛИ** в Африке, в Индонезии, на островах Тихого океана, в Новой Зеландии, среди роскошной природы, — наверно, особенно хороши тропические женщины?

— В Новой Зеландии — те же англичанки. Встречали мы и аборигенов (там живут маорийцы). Наверно, среди них есть и красавицы.

— **Вы считаете**, Гоген польстил на картинах своим тайтянкам?

— Это дело вкуса. Видели мы австралийских аборигенов. Ужасная жизнь: ходят без одежды, питаются червями и всем, что пожелает природа. Но они гордятся своей раскованностью. Нам не нравятся их жизни — они от нашей сбежали бы, как убегают из резерваций.

— **В романтических путешествиях** не было ли у вас лирического приключения? Вас не сразили наповал красавицы Востока?

— Нет. Настолько много работы, что было не до красавиц.

— **А вообще**, вы были влюбчивым человеком?